

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го АВГУСТА

№ 16-Й

1895 ГОДА.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Поученіе при поминаеніи преподавателя Астраханской духовной семинарии Я. И. Туберозова въ годовщину его кончины *).

Благо имя паче еса блага, и день смертный паче дня рожденія (Еккл. VII, 2).

Извлечемъ себѣ, добрые слушатели, поучительное наставленіе изъ этого краткаго, но глубокаго по своему смыслу изреченія премудраго Соломона. Это наставленіе да послужитъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшеніемъ въ настоящій печальный по своимъ воспоминаніямъ день, — день кончины дорогаго для многихъ изъ насъ человѣка.

Великій ветхозавѣтный мудрецъ, собственнымъ горькимъ опытомъ познавшій суету всѣхъ земныхъ благъ, ничтожность всего того, что людьми здѣсь, на землѣ, цѣнится на вѣсь золота, пришелъ къ убѣжденію, что лучше „еся блага“, лучше всѣхъ драгоценныхъ мастей, лучше всѣхъ богатствъ для человѣка — доброе имя. Высказывая предъ всѣмъ міромъ это свое убѣжденіе, премудрый высказываетъ въ связи съ нимъ, что и день смерти для человѣка — лучше дня его рожденія, — лучше, несомнѣнно, потому, что это — день рѣшительный и окончательный, день завершенія всѣхъ трудовъ и цѣлденія итоговъ всей земной дѣятельности, день совершеннаго успокоенія отъ заботъ суетной человѣческой жизни. Такъ думалъ и вѣровалъ мудрецъ, для котораго, какъ и для всѣхъ его современниковъ, тайна и истинный смыслъ человѣческаго безсмертія были еще далеко не разъясненными и не рѣшенными вопросомъ, и для котораго, какъ и для всѣхъ подзаконныхъ людей, двери райа были еще далеки, недоступны, закрыты; тѣмъ болѣе такой свѣтлый взглядъ на день смерти долженъ быть у насъ, слушатели — христіане, когда мы знаемъ, что смерть для человѣка — вовсе не конецъ его разумнаго существованія, а, напротивъ, заря новой, несравненно лучшей жизни. И дѣйствительно, если мы только вникнемъ въ сущность дѣла и пораз-

*) Произнесено на заупокойной литургіи въ Астраханской градской Казанской церкви 8-го августа 1895-го года.

судимъ о томъ, что даетъ человѣку — христіанину день его рожденія, и что — день смерти, то увидимъ и узнаемъ въ свое назиданіе и утѣшеніе въ настоящемъ печальномъ случаѣ, что для вѣрующаго христіанина, если только онъ жилъ по христіански и стяжалъ себѣ своею жизнію доброе имя, которое цѣннѣе всѣхъ сокровищъ, — день смерти является великимъ днемъ по своему благотѣльному значенію и поэтому несравненно лучше дня рожденія.

Вотъ является на свѣтъ Божій новый гражданинъ благодатнаго царства Христова. Рожденіе новаго разумнаго существа всѣми обыкновенно встрѣчается съ чистымъ весельемъ и неподдѣльною радостью о томъ, что родился человѣкъ въ міръ (Іоанна XVI, 21). Радость эта сообщаетъ дню рожденія отпечатокъ особой торжественности и дѣлаетъ его и на все послѣдующее время днемъ немалой важности для человѣка, окруженнымъ особыми свѣтлыми воспоминаніями. Но если мы подумаемъ о значеніи этого дня подробнѣе и поглубже, то увидимъ, что этотъ день еще самъ по себѣ не имѣетъ для человѣка той великой важности, того глубокаго опредѣленнаго значенія, какое имѣетъ день кончины, а заставляетъ только о многомъ за новорожденнаго подумать и — призадуматься. Мы радуемся появленію въ міръ новаго разумнаго существа; но день его рожденія еще ничего не говоритъ ни намъ, ни новорожденному о томъ, что для него впоследствии будетъ вопросами первой важности. Что дастъ этому младенцу жизнь? Будетъ-ли осыпанъ его жизненный путь розами, или онъ встрѣтитъ одни колючія тернія? Пройдетъ-ли онъ этотъ путь невредимымъ до самой глубокой старости, или споткнется на немъ и оставитъ его въ самой ранней юности? Будетъ-ли онъ вѣрнымъ членомъ царства Христова, ходящимъ по прямому и правому пути заповѣдей Божіихъ, или уклонится въ кривой путь грѣха и гибели? Будетъ-ли онъ вѣрнымъ гражданиномъ, полезнымъ членомъ общества, честнымъ слугою своего долга, или умретъ бесполезнымъ тунеядцемъ, ничего, кромѣ вреда, не принесшимъ тому обществу, среди котораго онъ жилъ и долженъ былъ дѣйствовать? Оставитъ-ли онъ по себѣ, когда сойдетъ съ житейскаго пути, честное, незапятнанное, во вѣки не умирающее доброе имя (Сир. XII, 16) или — безчестную память (Прем. Сол. III, 17)? — Такіе и многіе подобные вопросы невольно зараждаются въ головѣ всякаго мыслящаго человѣка при взглядѣ на новорожденнаго младенца, — и ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ день рожденія человѣка еще не можетъ дать сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта. Поэтому и радость дня рожденія имѣетъ очень узкій характеръ только радости о появленіи на свѣтъ новаго живаго существа — и легко впоследствии можетъ перейти въ тяжелую печаль для окружающихъ родившагося, если онъ не оправдаетъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались, — и для самого человѣка, если жизнь его будетъ не красна и принесетъ ему тяжкія испытанія. И будетъ тогда день рожденія не днемъ радости и веселія, а днемъ скорби и плача, — днемъ не благословенія, а вѣчнаго проклятія (Іова III, 3)!

Далеко не такое узкое и неопредѣленное значеніе имѣеть для чело-
вѣка—христіанина день его смерти. Вотъ вѣрный слуга Христовъ прожилъ
свой долгій-ли, короткій-ли вѣкъ—такъ, какъ слѣдуетъ истинному слугѣ,
знающему и вѣрно творящему волю своего Господина. Онъ шелъ неуклонно
подъ знаменемъ христіанскихъ добродѣтелей по правому пути истины, и
никакія силы не могли заставить его совершить какого-либо серьезнаго съ
этого пути уклоненія. Онъ неустанно, по мѣрѣ силъ своихъ, трудился на
пользу человѣческую въ томъ званіи и родѣ дѣятельности, какіе назначены
ему были Провидѣніемъ. И вотъ на него приходитъ по волѣ Божіей кончина
и застаеть его исполнѣя приготовленнымъ оставить свой земной постъ и пред-
стать предъ Богомъ. Что же принесеть такому доброму христіанину великій
день и часъ смертный, и какое важное значеніе онъ будетъ имѣть для
него? На этотъ вопросъ мы можемъ дать ясный и полный отвѣтъ, на осно-
ваніи открытаго намъ въ святомъ словѣ Того, по Чьей премудрой волѣ
этотъ день приходитъ къ челоуѣку. Это—день и часъ его успокоенія отъ
трудоу, а подчасъ и страдальческой, земной жизни,—день представле-
нія Всевышнему Раздѣлителю челоуѣческой судьбы отчета въ вѣрномъ служеніи
Ему и исполненіи Его воли! Это—день начала тѣснѣйшаго общенія съ Тѣмъ,
любовью къ Которому горѣла душа почившаго и къ Которому стремилась
всѣмъ своимъ существомъ. Этотъ день—заря новой, безконечной, безсмерт-
ной жизни, въ который духъ, не связанный узами бреннаго тѣла, съ
несравненно большей свободой начнетъ познавать и лицезрѣть Того, по
образу Кого онъ созданъ, и Кого онъ ранѣе видѣлъ только „яко зерка-
ломъ въ гаданіи“ (1 Кор. XIII, 12),— и въ томъ находить для себя источ-
никъ неисчерпаемаго блаженства! Этотъ день—начало наслажденія тѣми
великими благами, которыхъ здѣсь, на землѣ, ни око челоуѣческое не видѣло,
ни ухо не слышало, и которыя не могли прійти и на мысль челоуѣку (1
Кор. II, 9). Этимъ днемъ, наконецъ, совершенно не прекращается и земная
жизнь челоуѣка-христіанина, а, напротивъ, начинается новая нескончаемая
жизнь его добраго имени въ послѣдующихъ поколѣніяхъ,—начинается та
посмертная жизнь добродѣтельнаго челоуѣка, которую такими яркими чертами
изображаетъ въ своей книгѣ премудрый сынъ Сираховъ: „Многіе будутъ
прославлять знаніе его, и онъ не будетъ забытъ во вѣкъ. Память о немъ
не погибнетъ, и имя его будетъ жить въ роды родовъ. Народы будутъ
прославлять его мудрость, а общество будетъ возвѣщать хвалу его. Доколѣ
будетъ жить, онъ пріобрѣтетъ большую славу, нежели тысячи: а когда почіетъ,
увеличитъ ее“ (Сир. XXXIX, 11—14). Правда, этотъ день—день естественной
скорби для всѣхъ, кому почившій былъ дорогъ,—скорби о томъ, что наступаетъ
долгая разлука съ нимъ до будущаго всеобщаго суда; но скорбь эта для всѣхъ,
кто дѣйствительно разумно любилъ почившаго, должна быть растворена не рыда-
ніями невѣрующаго отчаянія, а слезами христіанской радости за умершаго, для
котораго въ этотъ день—начало такой великой, свѣтлой, блаженной будущности!

И нужно-ли повторять теперь, что глубоко правъ былъ премудрый Соломонъ, когда сказалъ, что для человѣка, всю жизнь свою стяжавшаго себѣ доброе имя, день смертный — лучше дня рожденія?!

Да послужить же въ настоящій день эта великая истина и для насъ руководящимъ свѣточемъ и да уяснитъ намъ, съ какими мыслями и чувствами мы должны предстать въ этомъ святомъ храмѣ и возносить Господу Богу молитвы о почившемъ рабѣ Божиѣмъ Іаковѣ въ годовщину его христіанской кончины. Мы не будемъ здѣсь подробно касаться всей прошлой земной жизни почившаго и раскрывать все значеніе его свѣтлой личности для тѣхъ, на чью пользу проходила его дѣятельность. Что такое представлялъ изъ себя поминаемый нынѣ почившій, какими своими качествами онъ особенно былъ милъ и дорогъ для всѣхъ, кто его зналъ и имѣлъ съ нимъ какія-нибудь сношенія, и чѣмъ онъ въ особенности стяжалъ себѣ доброе имя, — все это достаточно подробно высказано было еще годъ тому назадъ, съ этого же святого мѣста, питомцами почившаго, когда бревенные останки ихъ незабвеннаго наставника провожались молитвами Святой Церкви въ послѣднее земное жилище. Но мы дерзаемъ сказать только, что онъ былъ именно такимъ вѣрнымъ слугою Христовымъ, образъ каковаго нами только что начертанъ. Это былъ вѣрный сынъ Церкви Христовой, съ любовью и свѣтлой готовностію исполнявшій тѣ обязанности, которыя на него налагались званіемъ христіанина. Это былъ вѣрный слуга Божественной Истины, въ теченіе четырнадцати лѣтъ раскрывавшій предъ своими питомцами тѣ пути, какими свѣтъ этой Истины распространялся по всему міру и постепенно приводилъ все человѣчество къ подножію Креста Христова, — излагавшій предъ своими учениками весь ходъ исторической жизни Святой Церкви Христовой, — великаго человѣческаго общества, основаннаго пришедшею въ міръ Самою Божественною Истиною, просвѣщеннаго и согрѣтаго этою Истиной. Это былъ честный труженикъ на нивѣ воспитанія юношества, — труженикъ, воздѣлывавшій эту ниву Божию съ неутомимымъ усердіемъ, и за время своей педагогической дѣятельности заложившій прочныя и благотворныя сѣмена правды въ сердца не одной сотни молодыхъ юношей и дѣвицъ. Это былъ благородный членъ общества, ничего, кромѣ пользы, радости и сердечнаго удовольствія не доставлявшій никому, кто только имѣлъ съ нимъ какія-либо сношенія, и стяжавшій себѣ повсюду нелицемерную любовь и честное, доброе имя. Это былъ примѣрный членъ семьи, — примѣрный сынъ и братъ, посвящавшій дорогимъ и близкимъ ему людямъ все свое свободное отъ служебныхъ и общественныхъ занятій время. Это былъ, наконецъ, добрый христіанинъ, встрѣтившій грозный день и часъ смертный, какъ славный воинъ Христовъ, вооруженный и подкрѣпленный спасительными таинствами христіанскими, съ полною покорностію премудрой волѣ Божиѣй и со словами молитвы на устахъ. И эти его всѣмъ извѣстныя добрыя качества, и эта его христіанская кончина — побуждаютъ насъ высказать неложное упованіе,

что день смертный былъ для почившаго не днемъ скорби и ужаса, а днемъ успокоенія отъ трудовъ, днемъ начала новой, безконечной, несравненно лучшей жизни!

А если такъ, то въ настоящій день въ семь святомъ храмъ, подъ свѣтло и благодатнымъ покровомъ котораго протекала полезнѣйшая и плодотворнѣйшая часть жизни и дѣятельности почившаго, — нѣтъ мѣста воплямъ скорби, тоски и отчаянiя! Пусть будетъ здѣсь растворенная только тихими христіанскими, умиротворяющими слезами молитва о почившемъ, — молитва о томъ, чтобы наше упованіе на блаженную для него участь за гробомъ — не посрамило насъ! Памятуя о томъ великомъ значеніи, какое имѣеть день смертный для каждаго добраго христіанина, помолимся о томъ, чтобы и воспоминаемый нами нынѣ день кончины раба Божіа Іакова былъ для него дѣйствительно не днемъ печали и осужденія, а днемъ радости и благословенія; и чтобы отъ Премудраго Раздѣлителя посмертной человѣческой участи онъ дѣйствительно получилъ то, что заслужилъ своей истинно-христіанскою жизнью, — съ прибавленіемъ милости Божіей. Помолимся о тѣхъ, съ кѣмъ почившій былъ особенно близко связанъ узами родства по плоти и по духу, — чтобы Господь Своею благодатію утишилъ ихъ естественную скорбь о безвременномъ, но соображеніямъ человѣческимъ, прекращеніи земной жизни дорогаго для нихъ чловѣка — и смягчилъ эту скорбь тихою радостью о томъ, что жизнь эта прошла и окончилась такъ по-христіански. А въ заключеніе помолимся и о себѣ и попросимъ у Бога силъ и помощи такъ прожить свой вѣкъ и такъ всюю своею земною жизнію приготовиться къ переходу въ иную область бытія, — чтобы каждый изъ насъ на смертномъ одрѣ могъ вполне сознательно и убѣжденно согласиться съ мудрымъ словомъ премудраго Соломона: „День смерти — лучше дня рожденія“ (Еккл. VII, 2) и сказать о себѣ вмѣстѣ съ великимъ Апостоломъ: „Для меня смерть — приобрѣтеніе“ (Филипп. I, 22)! Пусть этотъ день смерти для каждаго изъ насъ явится, когда Богу угодно будетъ послать его, — не какъ страшный и грозный конецъ жизни, а какъ заря новаго блаженнаго существованія въ предѣлахъ вѣчности, — какъ „иного житія, вѣчнаго — начало“! Аминь.

Студентъ Казанской Духовной Академіи *Николай Воронцовъ*.

Проектъ правилъ объ обязанностяхъ приходскаго священника, какъ завѣдывающаго церковной школой, по отношенію какъ къ школѣ, такъ и ея учителю *).

1) Согласно § 19 Правилъ о церк.-прих. школахъ и § 2 Правилъ о школахъ грамоты, непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе церковными школами возлагается на обязанность приходскихъ священниковъ.

*) Проектъ этотъ выработанъ особомъ коммиссіею, составленною изъ представителей училищныхъ совѣтовъ, приближенныхъ на церковно-школьной сѣздѣ, бывшій въ Кіевѣ 15-25 Іюля 1894 года.